

SPECIMINA PHILOGIAE SLAVICAE

Begründet von
Olexa Horbatsch und Gerd Freidhof

Herausgegeben von
Peter Kosta, Holger Kuße und Franz Schindler

Band 146

Verlag Otto Sagner

München

DARĚ SLOVESŇNY

**Festschrift für Christoph Koch
zum 65. Geburtstag**

Herausgegeben von Wolfgang Hock und Michael Meier-Brügger

Verlag Otto Sagner · München

2007

Bibliografische Information der Deutschen Bibliothek

Die Deutsche Bibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Informationen sind im Internet über <http://dnb.ddb.de> abrufbar.

Verlag Otto Sagner
c/o Kubon & Sagner Buchexport-Import GmbH
D-80328 München (Germany)

Telefon 089 / 54 218-106
Telefax 089 / 54 218-226
verlag@kubon-sagner.de

Alle Rechte vorbehalten

Umschlaggestaltung: Christopher Triplett, Marburg
Druck und Bindung: Difo-Druck, Bamberg
Printed in Germany

ISSN 0170-1320
ISBN 10: 3-86688-009-X
ISBN 13: 978-3-86688-009-2

Осмысление бессмысленного: к интерпретации переводных гимнографических текстов

Вадим Б. Крысько

Настоящая статья посвящена анализу двух давно известных тропарей седьмой песни канона на Воздвижение (14 сентября), напечатанных еще И. В. Ягичем по списку сентябрьской Минеи, датируемой временем около 1095 г. (далее М95)¹. Новое обращение к этим текстам продиктовано тем, что в другом древнейшем минейном собрании – так называемой Ильиной книге рубежа XI–XII вв. (далее Ил), недавно полностью введенной в научный оборот², – представлена несколько иная версия перевода. Поскольку, как полагают, Ил отражает более древнюю стадию в развитии славянской гимнографии, нежели современные ей Новгородские служебные минеи³, имеющиеся разночтения можно рассматривать как свидетельство эволюции переводческой практики древних славянских книжников. Вопрос в том, насколько эта эволюция способствовала более точной передаче сложной и прихотливой поэзии византийских гимнографов. Другая проблема – как воспринимали минейный текст простые переписчики рукописей – древнерусские книжники, не имевшие перед глазами греческих оригиналов, да, по всей видимости, и не владевшие греческим, – в нашем случае писцы Илия (в Ил) и Домка (в М95).

Попытаемся интерпретировать воздвиженские тропари сначала именно с позиции древнерусского писца и читателя (и далее – современного читателя, не располагающего греческим оригиналом этих текстов), исходя из презумпции того, что любой текст должен был обладать по крайней мере грамматической связностью, которая и позволяла его так или иначе осмысливать.

Итак, первый тропарь 7-й песни (ирмос *вѣжъмъна запо(вѣдъ)*) имеет в Ил (л. 114–12) следующий вид⁴:

¹ Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь: В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. Санкт-Петербург, 1886. С. 0124 (л. 90r–v).

² Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131: Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. Москва, 2005.

³ См.: Верещагин Е. М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. Москва, 2001. С. 298.

⁴ Далее цитаты из Ил даются прямым шрифтом, из М95 – курсивом. Тексты Ил печатаются без соблюдения строкоделения, воспроизведенного в издании, и без передачи

Отъ дрѣва въкжшь · пьрвѣи въ члвцѣхъ · въ тьлѣни поживе · въ
чищени во жизни · вѣщствованиа осужденъ · въсеому роду тѣло
тьлѣюще · кто ѡко вредъ недоугъ подалъ кѣтъ · нѣ обрѣтъше земьни
възвращеник · дрѣво крѣа въпикмъ · прѣхвалычѣи оц ·

Как мы видим, текст синтаксически и морфологически вполне правилен – за исключением явно ошибочного написания **чищени**, которое едва ли можно трактовать иначе как соотносящееся с предлогом **въ**, а следовательно – как недописанную форму винительного или стяженную (гаплографическую) форму местного падежа существительного **чищеник**, т. е. либо **въ чищеник**, либо **въ чищени**.

Смысл первой синтагмы как будто очевиден – “Вкусив от дерева (познания), первый из людей провел жизнь⁵ в тлении (нечистоте)”. Следующий далее причастный оборот также достаточно прозрачен: “ибо, осужденный на очищение бесчестной жизни (или: бесчестия жизни)⁶”, – причем зафиксированная словарями (Сл XI–XVII, СДРЯ) сочетаемость глаголов *осудити*, *осудати* с конструкцией *въ* + винительный падеж⁷ позволяет заключить, что написание **чищени** необходимо рассматривать как искаженный аккузатив **чищеник**⁸. Осмысленность следующей синтагмы – “всему роду (потомству) тленное тело как болезнь, недуг передал” – несколько затемняется странным место-имением **кто**, которое ни в вопросительном значении ‘кто’, ни в неопределенном ‘некто’ никак не оправдано контекстом. Наконец, финальная фраза, с причастным оборотом, содержащим конструкцию “двойной винительный” (**обрѣтъше възвращеник дрѣво крѣа**): “Но (мы), люди, обрета в древе крестном возвращение (к прежнему состоянию), вопием”, – завершается рефреном, который редко выписывался полностью: “Препетый отцов ‘наших Боже’”.

диакритик над буквами гласных. В цитатах из М95 сохранена пунктуация, введенная в издании Ягича.

⁵ См. статьи **пожити** в исторических словарях – Словаре русского языка XI–XVII вв. (значение 2) и Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.) (значение 3). Далее указанные словари обозначаются соответственно как Сл XI–XVII и СДРЯ.

⁶ Ср. сочетаемость существительного **чищение** с родительным падежом: **чищениа дрѣвнихъ свонхъ грѣховъ** Петр. 2. 1. 9 (Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Репринт. изд. Москва, 1989, s.v. **чищеник**).

⁷ Ср.: **самъ сѧ осужаетъ в мѣку**. СбХл XIV₂, 117; **во изгнание его осужаетъ** (ἐξορίαν ... καταχρίεται) Гб к. XIV, 1996 (СДРЯ, VI, 196).

⁸ Ср. чтение сербской рукописи ГИМ, Хлуд. 164 (1371–1385 гг.), 9а: **въ чщеник**.

В тексте М95, вначале полностью совпадающем с Ил, далее появляется целый ряд лексических и грамматических отличий: так, преступление Адама привело к тому, что он *въ тѣлѣннѣ въселнса, въпадениемъ живота вещьстьемъ осуженъ бѣвъ*. Различие между аористами *поживе* и *въселнса* состоит в выражении *gesp.* законченного действия (жизни) и начала действия. В издании Ягича написание *въпадениемъ* заменено конъектурой *въ падение*, а якобы ошибочное *мъ* заключено в квадратные скобки; однако творительный падеж (*въпадениемъ*) – обычная, наряду с *въ* + вин. пад. и *на* + вин. пад., управляемая форма при *осудити*⁹. Вместе с тем некоторое нарушение славянских синтаксических норм усматривается в форме *вещьстьемъ*, которая по смыслу должна была бы зависеть от *въпадениемъ* и скорее ожидалась бы в виде предложного сочетания **въ вещьстьѣ*; напротив, при интерпретации *вещьстьемъ* как закономерного дополнения при *осуженъ* остается семантически недостаточным существительное *въпадениемъ*, которое обязательно предполагает при себе обстоятельство места – ‘куда?’. Дальнейший текст демонстрирует усугубление сложностей, связанное, в частности, с удвоением местоимения и с введением загадочного прилагательного *тѣлоноснѣ*: *всемоу родоу тѣлоноснѣ нѣкакъ, тако врѣдъ нѣкакъ недоуга подалъ естъ*. В последнем предложении в соответствии с “возвращением посредством креста”, представленным в тексте Ил, обнаруживается *възвездникъ крѣстномуу дрѣвоу* – словосочетание, достаточно осмысленное в отрыве от контекста, но мало подходящее к управляющему глаголу *обрѣтъше*. На фоне этих несообразностей, основательно затрудняющих понимание тропаря по сравнению с Ил, слова, завершающие песнопение в М95: *зовемъ прѣпѣтѣи*, – выступают как полные синонимы к *въпикмъ прѣхвальнѣи* в Ил.

Очевидно, что текст сентябрьской Минеи не может быть целиком возведен к переводу, отраженному Ил, и интерпретирован как продукт простого редактирования первоначального перевода: если лексические и грамматические варианты типа *жизни – живота, осужденъ – осуженъ бѣвъ, въпикмъ – зовемъ, прѣхвальнѣи – прѣпѣтѣи* и могли бы рассматриваться как следствие чисто стилистической замены

⁹ Ср.: *вземьствикмъ осужени бѣша*. ЖФСт к. XII, 116 об.; *не всѣхъ бо вл(д)ка сѣртню тою напрасно осужактъ*. Пал 1406, 36а (СДРЯ, VI, 196, 198).

первоначальных чтений¹⁰, то некоторые другие несовпадающие чтения М95 и Ил нельзя объяснить ни преемственностью, ни параллельным восхождением к одному источнику (ср. такие несводимые друг к другу или к общему архетипу формы, как **чищеник** и **въпадениемь**, **тѣло тѣлѣюще** и **тѣлоноснѣ**). Логичнее предположить независимое возникновение этих чтений, обусловленное независимым (и одновременным) обращением авторов двух версий перевода к греческому оригиналу.

Греческий текст тропаря, опубликованный в “Римской минее”¹¹ и в сочинениях Козьмы Иерусалимского по изданию Ж.-П. Минья¹², ср.:

Ἐύλου γευσάμενος ὁ πρῶτος ἐν βροτοῖς φθορᾷ παρῴκησε· ῥῆψιν¹³ γὰρ ζωῆς ἀτιμοτάτην κατακριθείς, ὄλω τῷ γένει σωματοφθόρος τις ὡς λύμη τῆς νόσου μετέδωκεν· ἀλλ’ εὐρηκότες γηγενεῖς ἀνάκλησιν σταυροῦ τὸ ξύλον, κράζομεν· Ὁ ὑπερύμνητος τῶν πατέρων καὶ ἡμῶν Θεός, εὐλογητὸς εἶ (MR, 162–163)¹⁴, –

позволяет констатировать, что некоторые лексические различия находят объяснение на греческой почве.

В частности, глагол *παροικέω* имеет как значение ‘переселяться’ (переданное в переводе М95 – **въселнса**, а также в латинском переводе: *ad corruptionem transiit*¹⁵), так и значение ‘жить’¹⁶ (Ил: **поживе**). Варианты **тѣло тѣлюще** и **тѣлоноснѣ** восходят к греческим разночтениям – *resp.* *σωματοφθόρος* ‘телорастлевающий, телогубительный’ (MR) и *σωματοφόρος* ‘облеченный в тело (плоть)’ (PG), причем второе прилагательное,

¹⁰ Ср. вывод М. А. Моминой: “Разночтения ... на славянской почве ... чаще всего являются синонимами” (Момина М. А. Греческие разночтения в славянских гимнографических текстах // Византийский временник. Т. 44. Москва, 1983. С. 130).

¹¹ *Μηναῖα τοῦ ἔλου ἐνιαυτοῦ*. Т. 1. Ἐν Ῥώμῃ, 1888. Далее MR.

¹² *Patrologiae cursus completus. Series graeca* / Ed. J.-P. Migne. Т. 98. Paris, 1860. P. 505. (Далее PG).

¹³ Облеченное ударение – по изданию: *Μηναῖον τοῦ Σεπτεμβρίου*. Αθήναι, 1904. S. 99; в MR и PG поставлено острое ударение.

¹⁴ Ср. перевод на русский язык: “Первый человек, вкусив от дерева, подвергся тлению, и по причине осуждения на бесславное лишение жизни, став как бы некоторою телесною (точнее было бы: телогубительною. – В. К.) заразою, сообщил болезнь всему роду; но мы, земнородные, обретши избавление чрез древо креста, будем восклицать: благословен ты, препрославленный отец и наш Боже” (Ловягин Е. Богослужбные каноны на славянском и русском языках. Санкт-Петербург, 1861. С. 167).

¹⁵ PG, 506.

¹⁶ Ср.: “ref. man's temporary sojourn in this life” (Lampe G. W. H. *A Patristic Greek Lexicon*. Oxford, 1961. P. 1042).

нередко употребляющееся как эпитет Христа¹⁷, использовано здесь явно ошибочно, и эта обесмысливающая ошибка перенесена в славянский перевод. Однако и вариант Ил нельзя признать вполне удовлетворительным, так как его синтаксическая функция слишком явно отличается от оригинала: в то время как в греческом сложное прилагательное *σμάτοφθόρος* служит определением к *λύμη* 'зараза', в Ил написание **тѣлотѣлюще** – при отсутствии соотносительного существительного среднего рода – никоим образом не поддается интерпретации в качестве сложного (в соответствии с греческим) прилагательного-причастия и получает осмысленность лишь при условии разделения его на две согласованные словоформы – **тѣло тѣлюще**, выступающие как винительный падеж объекта при глаголе **подати**. К греческим разночтениям несомненно должны быть возведены и синтаксические различия между словосочетаниями **дрѣво крѣта** и **крѣстѣноумоу дрѣвоу**: если винительный в Ил воспроизводит греч. *σταυροῦ τὸ ξύλον* – аккузатив объекта при *εὐρηχότες* (буквально 'обретя дерево креста как спасение'), то дательный падеж в М95 ориентирован на чтение, засвидетельствованное в РG, – дательный инструментальный *τῷ ξύλῳ* ('обретя спасение благодаря древу креста'); однако правильным переводом греческого инструментального датива должен был бы стать творительный падеж, калькированный же датив **дрѣвоу**, утратив соотношенность с **обрѣтъше**, очевидно, вторично ассоциировался с **възведеннѣ**.

Тексту MR соответствует чтение М95 **въпадениемъ**: в греческом здесь фигурирует форма *ῥίψιν* – буквально 'падение', 'отбрасывание', зависящая от пассива *καταχρηθεῖς* 'осужден', который, в отличие от славянского глагола, сочетается с винительным падежом (в новом церковнославянском переводе – **Ѡвержѣ нѣмъ**, в русском переводе Е. Ловягина – 'на лишение'; в латинском переводе – *amissione* 'на утрату'¹⁸). Вариант Ил **въ чищени**(к) продиктован смещением *ῥίψιν* (*ῥίψιν*) с *ῥύψιν* 'очищение', естественным в условиях итацизма.

Вполне корректен перевод М95 **нѣкакъ** (в первом случае), соответствующий греческому неопределенному местоимению *τις* (здесь женский род) 'некая' – определению к *λύμη* 'зараза' (**врѣдъ**); в переводе,

¹⁷ В электронном "Thesaurus Linguae Graecae" (<http://stephanus.tlg.uci.edu/individ/textsearch>) – далее TLG – *σμάτοφθόρος* в этом употреблении зафиксирован семь раз, в основном в гимнографии.

¹⁸ РG, 506.

отраженном Ил (кто), это энклитическое местоимение было смешано с вопросительным местоимением *τίς* 'кто'. Однако второе *нѣкакъ*, представленное, помимо М95, еще по меньшей мере в двух списках, обязано своим появлением ошибке – либо механическому повторению предшествующей местоименной формы, либо, скорее, смешению артикля *τῆς*, относящегося к *νόσου* (*недоуга*), с местоимением *τις* 'некий' вследствие все того же итацизма. В свою очередь, и форма родительного падежа *недоуга*, присутствующая в переводе М95, отнюдь не свидетельствует о мастерстве переводчика – она является синтаксической калькой греческого генитива при глаголе *μεταδίδομι*, тогда как перевод Ил демонстрирует в данном случае закономерный при славянском глаголе *подати* винительный падеж. Большая свобода в выборе синонимов наблюдается в Ил в обращении *прѣхвальнѣи*, между тем как *прѣпѣтѣи* точно калькирует греч. *ὑπερύμνητος*.

В отдельных случаях необходимая степень точности не достигнута ни в том, ни в другом переводе. Так, прилагательное в форме превосходной степени *ἀτιμωτάτην* 'позорнейшее' – определение к *ῥῶψιν* – в обоих переводах заменено существительными (Ил *бещьствованниа* – вероятно, как определение к *жизни*, М95 *бещьстьемь*¹⁹). Хотя и *възвращеник*, и *възведеник* имеют соответствия в разветвленной семантической структуре греч. *ἀνάκλησις* (ср. 'возвращение' – *възвращеник*, 'взывание, зов вернуться' – *възведеник*²⁰), ни то, ни другое слово нельзя признать вполне адекватными эквивалентами для переносного значения 'возрождение', 'спасение'²¹.

Таким образом, обе редакции перевода отнюдь не безусловно передают смысл греческого оригинала. Однако в Ил тропарь содержит лишь одну форму, нарушающую грамматическую связность и, тем

¹⁹ Можно было бы предположить, что эта субстантивная форма возникла из первоначального чтения **бещьстьнѣи*, однако и в трех других восточнославянских списках, отражающих тот же перевод, что и М95, представлено существительное.

²⁰ У глагола *възвести* (т.е., согласно одному из значений приставки *въз-*, 'вести обратно') фиксируется значение 'вызвать, заставить явиться' (СДРЯ, II, 16). Впрочем, не исключен еще один гипотетический источник перевода *възведеник* – смешение *ἀνάκλησις* с *ἀνάκλησις*, хотя и не имеющим, если судить по словарям, значения 'возведение', однако производным от глагола *ἀνακλίνω*, среди значений которого выделяется 'поднять вверх, возвести': 'lift up' (Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon / Rev. and augm. by H. S. Jones. Oxford, 1996. P. 108), 'aufwärts richten' (Langenscheidts Großwörterbuch Altgriechisch: Altgriechisch-Deutsch / Von H. Menge. Berlin etc., 2001. S. 55).

²¹ Ср.: 'spiritual restoration' (Lampe G. W. H. Op. cit. P. 107); *ἀνακλήτης Wiederhersteller, Erreter* (Lexikon zur byzantinischen Gräzität besonders des 9.–12. Jahrhunderts. Bd. 1. Wien, 2002. S. 81).

самым, осмысленность славянского текста, – кто В М95 количество синтаксических и семантических огрехов и несуразностей существенно больше (*бещьстьемь, тѣлоноснѣ, второе нѣкакѣ, недоуга, възведеннѣ дрѣвоу*).

Второй тропарь 7-й песни в Ил (л. 1113–21) с трудом поддается интерпретации:

Раздржшь велѣник · ба ослоушаник и дрѣво принесе · съмьрть земънтимъ · не въ благо время примано · въ оутвържденни бранаци же · и тѣмъ жизни дрѣво възбраниса · кже ноць ланина бесъмьртна отъвьрзе · блговошно въпнижим · прѣхва.

Уже первая синтагма – *Раздржшь велѣник · ба ослоушаник* – синтаксически недостаточна, так как при подлежащем *ослоушаник* ожидается спрягаемая форма глагола в роли сказуемого; причастие *раздржшь* эту функцию не выполняет, и современному читателю остается лишь внести конъектуру – аорист *раздржши, что и дает искомый смысл – “Ослушание Бога нарушило заповедь” (но не “заповедь Бога” – точка в рукописи, по-видимому, указывает на то, что родительный падеж *ба* воспринимался как относящийся к последующему, а не к предшествующему существительному; при отнесенности определения к *велѣник* в качестве посессива оно скорее должно было бы иметь форму притяжательного прилагательного – *божие*, между тем как при *ослоушаник* генитив *ба* отнюдь не имеет посессивного значения, но представляет собой закономерный объектный падеж, усвоенный существительным от мотивирующего глагола *ослоушатиса*).

Следующая фраза совершенно прозрачна – “Древо принесло смерть людям”; осложняющий ее причастный оборот содержит форму *примано*, которая исходя из контекста должна ассоциироваться не с обычным значением глагола *примати* ‘принимать’, а с более специализированным – ‘вкусать’, т.е. смерть людям принесло древо, “неблаговременно вкушенное”, “от которого благовременно вкусили”. Далее ситуация осложняется: причастный оборот *въ оутвържденни бранаци же*, с формой женского рода *бранаци*, не имеет никакого соотносительного существительного женского рода, и форма *въ оутвържденни* также не поддается удовлетворительному истолкованию; с точки зрения древнерусского переписчика, однако, эта синтагма сама по себе грамматически корректна.

Следующее предложение вновь вполне осмысленно: “И тем самым (т.е. грехопадением) был возбранен (доступ) к древу жизни” (см. Быт 3: 24) – но примыкающее к нему придаточное абсолютно невразумительно. Форму местоимения **кже** естественно соотнести с **дрѣво**, однако ее падежная интерпретация может быть двойкой: либо это подлежащее при **отъвьрзе**, и в таком случае древо жизни “открыло ночь”, либо дополнение, и в таком случае “ночь открыла древо”. Чисто грамматически обе трактовки приемлемы, но что вычитывал из этой фразы восточнославянский переписчик – сказать трудно. Особенно сложно для понимания словосочетание **ночь лаанна бесъмрътна**, в котором неясна взаимосвязь членов: **бесъмрътна** может быть определением и к **ночь**, и к **лаанна**. Сам оборот **ночь лаанна**, впрочем, вписывается в ряд сочетаний слова **ночь** с абстрактными существительными, типа **ночь невѣдѣнна**²², и семантика слова **лаанна** в древнеславянских памятниках – ‘загада; козни, происки; поношения’²³ – допускает сочетаемость его со словом **ночь**.

Дативный причастный оборот **блговолно въпнижцимъ** (с очевидной реконструкцией флексийного -ъ в конце словоформы) наиболее вероятно рассматривать как косвенный объект при ближайшем глаголе **отъвьрзе**, однако не исключена и соотнесенность его с формой **възбраниса**. Общий смысл предложения: и **тъмъ жизни дрѣво възбраниса** · **кже ночь лаанна бесъмрътна отъвьрзе** · **блговолно въпнижцимъ** – независимо от того, понимать ли его как “И тем самым был возбранен доступ к древу жизни, которое открыло ночь бессмертных козней (бессмертную ночь засады?) тем, кто добродетельно (благоразумно) вопиет” либо как “И тем самым для добродетельно вопиющих был возбранен доступ к древу жизни, которое открыла ночь...”, – остается темным, и едва ли он был более ясен древнерусским писцам – впрочем, привыкшим к “тьме премудрости”, сокрытой в священных текстах.

Редакция перевода, отраженная в М95, в грамматическом отношении не содержит каких-либо явных нарушений. Первое сложносочиненное предложение в основном совпадает с Ил, включая явно ошибочное

²² См.: Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts. T. 2: 9. bis 19. Dezember / Hrsg. von H. Rothe und E. M. Vereščagin. Opladen, 1997. S. 553; Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember auf der Grundlage der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition. T. 3 / Hrsg. von H. Rothe. Opladen; Wiesbaden, 1999. S. 616.

²³ Slovník jazyka staroslověnského. II. Praha, 1973. S. 109 (далее SJS); Сл XI–XVII; СДРЯ.

причастие *Раздроушь* вместо ожидаемого аориста. Наблюдается варьирование приставки – *изнесе* в соответствии с *принесе*, что едва ли можно счесть удачным уточнением смысла: ясно, что дерево именно принесло людям смерть, а не вынесло, распространило или произвело²⁴, и хотя у глагола *изнести* тоже выделяется значение ‘принести, доставить’²⁵, для *принести* оно безусловно является первичным. На месте *принимано* фигурирует *преложено*, что также лишь затемняет контекст: вместо известной ситуации с вкушением от древа познания мы сталкиваемся здесь с неким “преложением”, “преобразованием”, “изменением” древа. Избыточно добавление местоимения в начале причастного оборота: *кже не въ блго врѣмѣ преложено*.

Второе сложное предложение, напротив, отличается в М95 от текста Ил почти во всех формах, кроме *дрѣво*, *кже* и *ѿвѣрьзе*, и очевидно выражает совершенно иной смысл – реконструкция которого, однако, не менее затруднительна: *въ оутвьръженіе же зѣло чьстьноуѹ ѿселѣ живоносьное дрѣво възбранакть, кже разбонникоу не чоувьствьноуѹ ѿвѣрьзе, блго разумно въпниоуѹ*. Загадочное *въ оутвьръженіи* и здесь, уже с формой винительного падежа (*въ оутвьръженіе*), остается непонятным, хотя после него вместо *бранаци* появляется словосочетание с дательным падежом *зѣло чьстьноуѹ*, по-видимому, указывающее на косвенный объект, – неясно, правда, к какому слову этот объект относится – к *оутвьръженію* или к *възбранакть* – и кто (что) понимается под субстантивированным прилагательным *чьстьноуѹ*. Неопределенен падежный статус словосочетания *живоносьное дрѣво*: оно либо является подлежащим при сказуемом *възбранакть* – но в таком случае непонятно, что именно возбраняет дерево жизни, либо выступает при *възбранакть* в роли дополнения – однако в этом случае остается неназванным субъект действия, выраженного глаголом. Также двойкой может быть и падежная интерпретация местоимения (союзного слова) *кже* – это либо именительный падеж подлежащего при сказуемом *ѿвѣрьзе* (которое, однако, остается без обязательного дополнения), либо винительный падеж дополнения при *ѿвѣрьзе* – вновь без субъекта. Радикально изменился по сравнению с переводом Ил субъект действия, выраженного причастием от глагола *въпнѣти*: если в Ил это, очевидно, верующие, то в М95 действие приписано

²⁴ См. толкования глагола *изнести* в Сл XI–XVII и SJS.

²⁵ См. СДРЯ.

некоему разбойнику – хотя и “неразумному” (*νεχουβςτβννουμου*)²⁶, однако все же *ελγοραζουμνη* взывающему к Господу: *πρῆπιῆτῆν οὔτῆν* (на этом рефрен в рукописи обрывается).

В итоге, исходя из возможности по крайней мере чисто внешнего осмысления грамматически вполне правильного текста, мы можем предложить следующий перевод второй части тропаря в версии М95: “Для утверждения же (чего-то) пречестного с этих пор (некто – Бог?) возбраняет (доступ) к живоносному древу, которое (Он?) открыл для неразумного разбойника, благоразумно вопиющего ...”. Ситуация, таким образом, уже не кажется столь безнадежной, как в Ил: можно, в частности, предположить, что в финале тропаря идет речь о раскаявшемся разбойнике (Лк 23: 40–43), – однако реконструкция всевышнего субъекта действий остается произволом современного читателя.

И вновь мы можем констатировать, что текст М95 не сводим к тексту Ил. В первой части тропаря Ил в отдельных случаях демонстрирует более точное словоупотребление, а во второй части более удовлетворительна, несомненно, версия М95.

Сопоставление с греческим оригиналом:

Ἐλευσε πρόσταγμα Θεοῦ παρακοή, καὶ ξύλον ἤνευχε θάνατον βροτοῖς, τὸ μὴ εὐκαίρως μεταληφθέν· ἐν ἀσφαλείᾳ τῆς ἐριτίμου δὲ ἐντεῦθεν ζωῆς τὸ ξύλον εἴργετο, ὃ νυκτιλόχου δυσθανοῦς ἠνέφεξεν εὐγνωμοσύνη κράζοντος· Ὁ ὑπερύμνητος ... (MR, 163)²⁷ –

позволяет установить, насколько авторы переводов, отраженных в Ил и М95, справились со своей задачей, и разъяснить различия между двумя версиями перевода.

Подтверждается предположение о том, что открывающее тропарь причастие **Раздожшь** обязано своим возникновением ошибке, – в греческом на его месте выступает аорист Ἐλευσε, который было бы правильно перевести также аористом. Варианты **принесе** – **изнесе** объясняются тем, что выбор префикса не был предопределен оригиналом, где имеется бесприставочный глагол φέρω (в форме аориста ἤνευχε). Вставка **кже** перед причастным оборотом явно отражает

²⁶ См. Сл xi–xvii s. v. **нечувственный**, значение 1.

²⁷ Ср. перевод Е. Ловягина (указ. соч. С. 168): “Заповедь Божия нарушена непослушанием, и дерево чрез неблагоприятное вкушение (плода его) принесло людям смерть; потому в ограждение было воспрещено дерево блаженной жизни, к которому (опять) благоразумие открыло доступ умиравшему разбойнику, восклицавшему: благословен ты, препрославленный отец и наш Боже”.

калькирование артикля τό, относящегося к ξύλον. В Ил представлен более корректный перевод причастия μεταληφθέν (от μεταλαμβάνω в значении 'вкусить') – **примано**; чтение М95 **преложено** ошибочно соотносено с другим значением греческого глагола – 'заменить'.

Едва ли можно признать удачным выбор слова **оутврѣжденнѣ** в соответствии с греч. ἐν ἀσφαλείᾳ 'для защиты, для безопасности'²⁸: очевидно, переводчик ассоциировал данное существительное с основным значением мотивирующего прилагательного ἀσφαλής – 'незыблемый, прочный'. Греч. ἐριτίμου – буквально 'высокочитимой, высокоценной' – определение к ζωῆς 'жизни' – лексически верно передано в М95 (**зѣло чьстьноумоу**), однако славянскому книжнику не удалось соотнести это прилагательное двух окончаний, не имеющее особой формы женского рода, с ζωῆς, и он, ориентируясь на "мужское" окончание -ου, механически перевел греческий генитив дативом мужского-среднего рода²⁹ (заметим, что ошибка в роде сохраняется и в новоцерковнославянском переводе, где фигурирует родительный падеж masculini-neutri **зѣлѡ чьстьнагѡ**³⁰). Что же касается формы **бранащи** в Ил, то, по-видимому, это чтение обусловлено паронимическим (связанным с итацизмом) восприятием ἐριτίμου как формы глагола ἐρητύω 'удерживать' > 'препятствовать, возбранять'³¹, причем наиболее вероятной кажется трактовка **бранащи** как дательного падежа женского рода вследствие ощущения переводчиком грамматической соотнесенности между ἐριτίμου и предшествующей формой τῆς – родительным падежом женского рода артикля. Варианты перевода **и чѣмь / Ѡселѣ** продиктованы многозначностью греч. ἐντεῦθεν, выражающего как значение 'поэтому', так и значение 'с этих пор'. Безусловно точнее перевод **жизни** – ζωῆς; автор перевода, отраженного в М95 (**живоносное**), позволил себе в этом случае более отчетливое выражение того, что присутствует в оригинале, но в скрытом виде³²: ведь древо жизни – это действительно древо, несущее жизнь. Форма возвратного глагола в страдательном значении **възбраниса** более

²⁸ Ср. Быт 3, 24: "... чтобы охранять путь к дереву жизни".

²⁹ Ср.: "... славянский дательный соответствует вообще греческому родительному в ряде основных значений..." (Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). Изд. 3-е. Москва, 2002. С. 254–255).

³⁰ Ловягин Е. Указ. соч. С. 168.

³¹ Ср. у Гесихия: ἐρητύσαι: ... ἀνακόψαι 'сдерживать, мешать' (TLG).

³² См.: Верещагин Е. М. Указ. соч. С. 72.

корректно передает греческий медиальный имперфект εἶργετο, нежели **ВЪЗБРАНАКТЬ**.

Греческий текст с бесспорностью свидетельствует о том, что форму **κ̅же** следует интерпретировать как винительный падеж: в оригинале ὃ 'которое (т. е. дерево)' является дополнением к ἠνέφξεν (отгъвьрзе). Непреодолимые трудности у автора перевода, представленного в Ил, вызвало существительное (собственно, субстантивированное прилагательное) νυκτὶλόχου 'разбойника' (буквально 'ночью сидящего в засаде')³³: он, очевидно, воспринял это слово (не в последнюю очередь, конечно, благодаря scriptio continua в греческой рукописи) как сочетание νυκτὶ 'ночью' (ночь при такой трактовке – винительный времени)³⁴ и λόχου (родительный падеж от λόχος) 'засады'³⁵. Поскольку, однако, получившаяся при пословном переводе фраза была не просто бессмысленна, но аграмматична (**κ̅же ночь лаанниа вестъмрътна отгъвьрзе** – "которое ночью засады бессмертной открыл"?!), в процессе бытования текста форма **ночь**, возможно, осмысливалась либо как винительный объекта, либо как именительный подлежащего при отгъвьрзе. Автор перевода, отраженного в М95, знал лексему νυκτὶλόχος и правильно передал ее словом **разбойникъ**, однако не смог установить ее синтаксическую соотношенность в греческом оригинале, и в переводе датив **разбойникоу**, механически заменивший греческую форму родительного падежа – определения к εὐγνώμοσύνῃ, скорее всего, функционирует как косвенный объект при **Въвьрзе**.

Следующие далее прилагательные – **вестъмрътна** в Ил, **нечювьствъноумоу** в М95 – в равной степени демонстрируют неудачу переводчиков, не понявших греч. δυσθανοῦς 'умершего мучительной смертью'³⁶ (определение к νυκτὶλόχου 'разбойника'). В переводе Ил это прилагательное передано с ориентацией на отрицательное значение приставки δυσ- (ср. δύσαλθής 'неизлечимый' при ἄλθεομαι 'излечиваться'), тогда как в данном случае она выполняет иную функцию – усиление отрицательного смысла³⁷ (ср. правильный новоцерковнославянский перевод: **слоумёрш**³⁸). Труднее объяснить чтение М95: обычно **нечювьствънчи**

³³ Pape W. Griechisch-deutsches Handwörterbuch. Braunschweig, 1914. Т. II. S. 267.

³⁴ Ср. чтение PG, 505: νυκτὶ λόχου (вероятно, опечатка) с переводом "nocte insidiarum" (506) – буквально 'ночью засад'.

³⁵ См. Сл XI–XVII s. v. **лаанниа**, значение 3.

³⁶ Pape W. Op. cit. Т. I. S. 681.

³⁷ Дворецкий И. X. Древнегреческо-русский словарь. Т. I. Москва, 1958. С. 429.

³⁸ Ловягин Е. Указ. соч. С. 168. В латинском переводе – "in doloribus morituri" (PG, 506).

служит эквивалентом греч. ἀναίσθητος, однако дистанция от ἀναίσθητος или даже его синонима δυσαίσθητος до δυσθανοῦς слишком велика, чтобы приписать славянское чтение греческой паронимии; допустимо предположить, что переводчик соотнес форму δυσθανοῦς с глаголом αἰσθάνομαι ‘чувствовать’, в котором ошибочно вычленил элемент -θαν-, усмотрев именно в этой псевдоморфеме значение ‘чувство’.

Опираясь только на “канонический” текст тропаря в MR, можно было бы заключить, что в обоих случаях не вполне верен и перевод существительного εὐγνωμοσύνη ‘благоразумие’, являющегося в оригинале подлежащим при ἠνέφξεν (отъвьрзе): замена субстантива наречием бл̑говолно / бл̑горазоумьно приводит к смене подлежащего и перестройке субъектно-объектных отношений в предложении. Однако если учесть, что в варианте тропаря, опубликованном в PG, вместо именительного падежа εὐγνωμοσύνη фигурирует дательный – εὐγνωμοσύνῃ, передача этой инструментальной формы (буквально ‘благоразумием’, ‘с благоразумием’) посредством наречия уже не будет казаться ошибкой – по крайней мере, ошибкой перевода.

Совершенно правильно переведена в M95 причастная форма κράζοντος – определение к νυκτιλόχου, ср. развоинникоу ... въпнищоу. Pluralis въпнищим в Ил, скорее всего, спровоцирован формой въпникъ в предшествующем тропаре, однако не исключено и воспроизведение множественного числа греческого различия κράζοντας (PG), также не сочетающегося ни с какой другой формой в греческом предложении.

Наконец, в рефрене Ил и M95 вновь демонстрируют соответственно более свободный и буквальный перевод греч. ὑπερύμνητος – прѣхва-
(льнѣи) и прѣпѣтъи.

Таким образом, выпрeннее, метафорическое, наполненное библейскими аллюзиями красноречие византийских гимнографов не получило – да и не могло получить – адекватного отражения в молодой славянской гимнографии, создатели которой – переводчики с греческого – не владели в должной мере книжным греческим языком и не располагали теми фоновыми знаниями, которые необходимы для постижения образной системы духовных песнопений. Для того чтобы придать хотя бы относительную ясность возникавшим под пером первых переводчиков зачастую малоосмысленным текстам, следующие поколения славянских книжников могли прибегать к двум средствам:

оставаясь “внутри” перевода, совершенствовать его в меру собственного разумения (и тем самым все далее отклоняться от первоначального смысла) либо заново обращаться к греческим оригиналам (иногда совсем не в тех редакциях, которые были положены в основу первоначальных переводов). Насколько удачна бывала порой подобная “справа”, показывают – в рассмотренных нами текстах – такие “улучшения”, как *телоносный*, *возведение крестного древа* или *нечувственный*³⁹.

³⁹ Статья написана во исполнение проекта “Ранние славянские гимнографические тексты: источники и реконструкция”, поддержанного Отделением историко-филологических наук Российской академии наук в рамках Программы фундаментальных исследований “Русская культура в мировой истории”.